

Р.Н. Игнатьев. Рец. на: *Традиционная материальная культура сельского населения Кубы* / Отв. ред. Э.Г. Александренков, А.Х. Гарсия Далли. М.: ИЭА РАН, 2003. 382 с.

Рецензируемая монография имеет грифы Института этнологии и антропологии РАН и Центра Антропологии Министерства науки и природных ресурсов Кубы. Это плод совместного научного сотрудничества, начатого в конце 1970-х годов, когда кубинские и советские этнографы решили объединенными усилиями составить этнографический атлас Кубы. Об идее и истории проекта подробно рассказано В.А. Тишковым в предисловии. Основными темами атласа должны были стать: поселения, жилище, транспорт, орудия земледелия, способы и орудия лова рыбы, пища и напитки, одежда, домашняя утварь. “Этнографический атлас Кубы” был издан кубинцами на компакт-диске в 2000 г.

Рецензируемая книга содержит предисловие, девять разделов и заключение. Перевод и редактирование статей кубинских ученых осуществили Л.С. Шейнбаум и Э.Г. Александренков. Книгу открывает “Очерк этнической истории” (авторы А.Х. Гарсия Далли и Х. Гуанче Перес), где рассказывается о населении острова, с XVI в. испытывавшего массовую иммиграцию из Испании, Африки, Азии и некоторых районов Америки. В формировании этнического самосознания, по мнению авторов, сыграли свою роль осознание территориальной принадлежности, употребление испанского языка, вобравшего в себя специфическую островную лексику, а также культурные и психологические черты населения. “Пиком” же в формировании этнического самосознания (*autoconciencia étnica*) кубинцев названы 1868–1898 гг., время “борьбы за антиколониальную независимость” (с. 19–20). Подобная датировка покажется, возможно, “естественной”, однако яркие события политической истории нередко затушевывают и так трудно уловимые в ретроспективе оттенки культуры, поэтому ценность первых в периодизации этнической истории, вероятно, весьма относительна. Крупный миграционный поток первых трех десятилетий XX в. оказал “решающее воздействие на демографический прирост на острове” и привнес “элементы, которые в творческом и динамичном процессе обогатили, в большей или меньшей мере, национальную культуру” (с. 20–21). Сахарная промышленность, ее рост и сокращение, определяли состав и территориальное распределение иммигрантов, а также иммиграционное законодательство (с. 21–22).

Раздел “Поселения” – по нашему мнению, один из наиболее интересных в книге – написан Х.А. Альварардо Рамосом на основе полевого материала, собранного в 9 провинциях страны (218 населенных пунктов), и общенационального анкетирования, охватившего 1363 поселения. В разделе дан небольшой историографический очерк по теме. В центре внимания исследователя – “собственно сельские поселения, то есть те населенные пункты, чье появление и развитие было тесно связано с сельской жизнью, с сельскохозяйственным производством”, иначе говоря, “поселения, рожденные для эксплуатации сельских угодий” (с. 30). При всех достоинствах раздела нельзя не сожалеть, однако, что автор не счел нужным, хотя бы коротко, “останавливаться на характеристиках городов и вилей” (с. 53).

Раздел содержит характеристику аспектов хозяйственной деятельности жителей Кубы, имеющих отношение к формам расселения, начиная с XVI в. Животноводство, по мнению автора, способствовало появлению первых поселений в практически безлюдных внутренних районах острова (с. 41). Возделывание табака, сахара и кофе привело к дальнейшей колонизации этих районов в XVII–XIX вв. Так “в своем наступательном движении сахар проложил дороги, поглотил леса и создал населенные пункты” (с. 45).

Именно на плантациях сахарного тростника, где использовался невольничий труд, возник такой исторический тип поселения, как “батей” – комплекс построек жилого и технического назначения, который напоминают также поселения при кофейных плантациях (кафеталях) начала XIX в. В производстве табака значительную роль играл семейный труд на небольших участках (*minifundios*), причем такие табакотводческие поселения характеризовались дисперсностью, а глава семьи был часто арендатором, а не собственником земли. Эстанции – мелкие земледельческие хозяйства, использовавшие труд рабов, также тяготели к дисперсии и распо-

Роман Николаевич Игнатьев – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

лагались вблизи городов или крупных плантаций. При этом в некоторых областях “тенденция к дисперсии не исключала высокой плотности населения” (с. 50–52).

Итак, “дисперсия” (усадыбы с угодьями) и “концентрация” (жилые массивы, отделенные от других угодьями), как основные формы расселения, предлагают те типы и варианты населенных мест, рассмотреть которые берется автор. При этом, как можно видеть, “дисперсия” свойственна усадьбам (*fincas, haciendas*), “выпасам” (*potreros*), табачководческим участкам, эстансиям и кафеталиям, а “концентрация” – сахарным плантациям и собственно “поселениям” (с. 57). Говоря о поселениях (*poblaciones*), автор дает перечень населенных пунктов, что ставит перед нами сложную задачу перевода и толкования употребленных им терминов.

Отметим, на наш взгляд, некоторые допущенные неточности. Слово *rueblo* переведено как “поселок”, хотя в современном испанском языке это общее название преимущественно небольших поселений (включая города), а также, в противоположность городам, сельских населенных пунктов. В русском языке “поселок” – селение весьма специфическое или относительно недавно возникшее (“рабочий”, “рыбацкий” или “дачный поселок”, “поселок городского типа” и т.д.). Впрочем, как отмечает автор в отношении *rueblo*, “этот тип поселения (а скорее термин. – Р.И.) не был достаточно распространенным на острове” (с. 54). К тому же “действительно сложно, исходя из имеющихся в нашем распоряжении данных, установить точные параметры для каждого из типов поселений колониальной эпохи” (с. 53); “во многих случаях одно и то же поселение отнесено в этих источниках к разным категориям” (с. 54).

Представляется не вполне убедительным примечание редактора к термину “касерио”: “как правило, неупорядоченное скопление бедных жилищ” (с. 52). “*Caserío*” в испанском языке может означать как изолированный крестьянский двор (дом со службами) вместе с окружающими его владениями, так и, прежде всего, совокупность таких дворов, не образующих, однако, единого поселения с более или менее отчетливым центром. Попутно коснемся также употребления в данном разделе термина *barrio*: на с. 37–38: “переписки давали данные по провинциям, муниципиям и кварталам (*barrios*)”, на с. 60: “демографические сведения по провинциям, муниципиям и баррио, включая в последние как концентрированные, так и дисперсные поселения”. Думаю, что адекватный перевод этого термина на русский язык представляет определенную проблему. В испанском языке *barrio* имеет несколько значений: “квартал (города)”, “предмestье”, “касерио, относящееся к какому-либо поселению”, а также “в зоне рассеянного поселения совокупность изолированных домов, определенным образом связанных между собой в пространстве”. В нашем случае я взял бы на себя смелость предложить термин “жилой район”, никоим образом не покушаясь на право читателя выбрать наиболее адекватное из предложенных выше значений.

Следует полностью согласиться с автором, когда он говорит о том, что изолированности касерио или деревень (“*aldeas*” – термин, который “не прижился в народном словаре на Кубе” и “не сохранился в официальном употреблении”) способствовала “лучшей сохранности в них многочисленных элементов традиционной культуры, идет ли речь о типах жилищ и строительных материалах, о сельскохозяйственных орудиях и транспортных средствах или о проявлениях духовной культуры” (с. 55).

Большое место в работе занимает блестяще проведенный анализ “сельских концентрированных населенных пунктов” и “дисперсного расселения” в период 1899–1958 гг. Автор рассматривает “концентрированные” населенные пункты в районах разведения сахарного тростника (батеи) в XX в., когда часть из них превратилась в поселения с довольно развитой социально-культурной инфраструктурой, расположенные нередко вне индустриальной зоны поселения восточных горных районов, где выращивают кофе, какао и овощи и где высока роль путей сообщения; поселения, связанные с экспортом бананов и каботажем – на пример зоны Баракоа (одно из самых любопытных мест в разделе). К “нетипичным населенным пунктам” автор относит поселения, созданные в результате иммиграционной волны, преимущественно североамериканской, в первые десятилетия XX в. (восток острова). Такие поселения с сетевой застройкой, бунгало и шале, отелями опустели в эпоху экономического кризиса рубежа 1920–1930-х годов. Касерио автор характеризует как “промежуточный тип населенных пунктов”, как “промежуточное звено между дисперсным и концентрированным сельским расселением” (с. 78). По мнению Альварардо Рамоса, именно коммуникации способствовали возникновению касерио (с. 78). “Придорожный” тип касерио упрочился после революции и

Кубе в 1959 г. Затронув тему коммуникаций, автор проводит анализ форм населенных пунктов, подкрепляя его чрезвычайно интересными примерами.

Дисперсное расселение “существовало в разные исторические периоды по всей стране, будучи привязанным к разным природным условиям и к разным видам сельского труда” (с. 89). Автор рассматривает животноводческие районы (исторически наиболее высокий уровень дисперсности; пример – провинция Камагуэй), районы выращивания табака (практика дробления латифундий на участки; пример – западная провинция Пинар-дель-Рио), горные области (заселение по экономическим причинам безлюдных районов, парцелляция кофейных усадеб). обстоятельно анализируются варианты дисперсного расселения, удачными примерами иллюстрируются большое значение двора для кубинского сельского жителя. На Кубе положение арендаторов земли было нестабильным, поэтому наблюдалась частая смена ими места жительства или “постоянная подвижность сельского населения” (с. 103). Наконец, представляют интерес “революционные трансформации в деревне и новые типы поселений” (с. 104–109). В частности, Альварардо Рамос отмечает сильную тенденцию к концентрации населения (с. 109).

Л.С. Шейнбаум принадлежит раздел “Усадьба”. Давая характеристику общих черт организации сельской усадьбы (*finca rural*), автор отмечает, что “на облике усадьбы, особенно на планировке и внутреннем убранстве жилья, отразился тот факт, что освоение сельских областей на Кубе происходило во многих случаях из городских центров” (с. 118). Отмечается простота конструкций жилищ, использование традиционных материалов, выделяется три типа крестьянской усадьбы, соответствующие табаководству, аграрно-животноводческому комплексу и разведению кофе. В качестве примеров автор рассматривает усадьбу табаководы (*veguero*) в западной провинции Пинар-дель-Рио, аграрно-скотоводческую усадьбу в восточных провинциях Камагуэй и Ольгин, горную усадьбу в зоне выращивания кофе – восточные провинции Гранма, Гуантанамо.

Раздел “Боио” написал Мало де Молина. Целесообразно, однако, прочесть прежде замечания к этому разделу, сделанные Л.С. Шейнбаум (с. 147–148). “Боио” (*bohio*), что на языке аравакязычных индейцев Антильских островов означает хижину, построенную из материала растительного происхождения, Мало де Молина считает основным видом жилища в сельских и городских поселениях на протяжении XVI–XVIII вв., который затем сохранился только в сельской местности. Модификации боио, произведенные в XIX–XX вв., автор находит незначительными. На основе собственных полевых материалов он подробно описывает конструкцию боио, его виды и варианты¹.

А. Диасу и Э.Г. Александренкову принадлежит раздел “Способы и средства перемещения человека и грузов”, главным источником для которого послужили материалы, собранные в 1982–1986 гг. А. Диасом, а также полевые наблюдения Э.Г. Александренкова. Вначале авторы характеризуют выбранный объект изучения в доколониальный период и на первом этапе колонизации. Рост и улучшение коммуникаций происходит в XVIII–XIX вв., что отчасти отражается в средствах передвижения и сопутствующих элементах. Отметим, что нам представляется неоправданным называть двухколесную повозку “*carreta*” арбой (с. 171, 178), несмотря на то, что она, действительно, соответствует последней по конструкции.

В первое время железнодорожный транспорт был распространен в центральных провинциях. Практически полное исчезновение каботажного произошло в первой четверти XX в. Любопытны сведения о волах – основном сельскохозяйственном животном, вьючных перевозках, усовершенствованных волокушах и т.д. Здесь же помещен материал, отражающий современные способы и средства перемещения человека и грузов. Авторы подчеркивают факт существования “вилкообразной волокуши” на Кубе (с. 189–191, 194, рис. 23 и 24 на с. 196–197)².

“Орудия земледелия” (авторы Э. Тирадо Тойрак и Э.Г. Александренков) – весьма обстоятельное исследование, заслуживающее высокой оценки. Авторы рассмотрели историографию вопроса, земледелие аборигенов, земледелие колониальной эпохи и постколониального периода. Испанские крестьяне появляются на Кубе, вероятно, во второй половине XVI в., тогда же начинают упоминаться и пахотные орудия, однако основным земледельческим орудием, по крайней мере, в эстансиях, остаются мотыги, среди прочих – “бискайские” (с. 217). “Креольское”, или “деревянное рало” (*arado criollo*, *arado de palo*) распространяется в конце XVIII в., возможно, благодаря иммигрантам с Канарских островов, ведь оно, по мнению авторов, связано с типом “радиального рала” (*arado radial*), который “преобладал в Басконии, Наварре,

встречался в западных областях полуострова и на Канарских островах” (с. 222–223). Дается классификация кубинских земледельческих орудий. Большой интерес вызывают данные о пространственной и хронологической динамике орудий труда с 1959 по 1988 гг. – результат машинной обработки сведений, собранных в результате массового опроса (1988 г.). Этот анализ дает нам информацию о распространении орудий труда на острове до 1959 г., а также позволяет судить о тех или иных аспектах современной эргологии Кубы по провинциям. Отметим бытование термина баскского происхождения “*laúa*” для обозначения вил с двумя, тремя, четырьмя или пятью зубьями. Они не были широко распространены на острове, но любопытно, что в наши дни показатель использования лай в провинциях Матанас (четырёхзубая) и Вилья-Кларе (трёхзубая) изменился со среднего на высокий (с. 232, 246–247)³.

Э. Гонсалес Норьега и Н. Нуньес Гонсалес написали раздел “Пища” с использованием широкого круга полевых материалов. Авторы предложили классифицировать традиционную пищу, используя “функциональный критерий”, т.е. “принимая во внимание не трапезы сами по себе, не их состав и способы приготовления, а основываясь на социальной функции, которые они несут, мотивируя человеческие отношения” (с. 265). Воздерживаясь от однозначного ответа о происхождении того или иного блюда современной кубинской кухни, авторы сделали “этноисторический экскурс” (с. 271–276). Э. Гонсалес Норьега и Н. Нуньес Гонсалес выделили следующие типы трапез: “повседневные, или будничные трапезы”, “трапезы по случаю”, “праздничные и траурные семейные трапезы”, “праздничные общественные трапезы”. Представляют интерес отмеченные авторами некоторые аспекты принятия пищи: нормы поведения за столом, кухонная утварь, произошедшие после революции изменения и др. Пожалуй, наиболее любопытные данные изложены авторами при региональном анализе кубинской пищи.

М.В. Станюкович подготовила раздел “Пища (по материалам экспедиции 1987 г.)”. Она осуществила сбор информации в провинциях Гранма, Пинар-дель-Рио и др. Также было собрано более 50 листов гербария (не вошедший в статью материал об употреблении в пищу дикорастущих лекарственных растений). Кроме интересных сведений по теме и прекрасной идеи осуществить сравнение кубинской и филиппинской культуры пищи, несомненное достоинство раздела мы видим в том, что читать его удобно. Во время работы автора интересовали по преимуществу модель и тип питания, однако М.В. Станюкович не спешит с обобщениями: “Наиболее существенные искажения традиционной модели питания связаны с нехваткой мяса и сахара, которыми страна изобиловала в прошлом” (с. 316). Автор характеризует интересующие ее здесь аспекты жизненного цикла кубинцев. Любопытно, что “почти все информаторы отмечали, что в их детстве широко употреблялось в пищу кипяченое молоко, а дома делали сметану, масло, сыр, кое-где – простоквашу. Все это ушло в прошлое, и ныне молока хватает лишь беременным, детям и старикам” (с. 322–323).

Весьма интересна часть раздела, посвященная сравнению пищи сельского населения Кубы с пищей филиппинцев. Она выполнена с привлечением полевых материалов, собранных автором на Филиппинах в 1995 г. Об общих чертах Кубы и Филиппин сказано очень образно, например, “гаванские и манильские сигары, не имеющие в мире конкурентов, уже много веков спорят между собой за первенство” (с. 326) или “Куба и Филиппины – альфа и омега испанской колониальной экспансии” (с. 327). Отмечается общность основного фонда культурных растений на Кубе и Филиппинах, престижность “испанской пищи” в руководствах по филиппинской кухне и пр.

Раздел “Одежда” написан А.А. Бородатовой, использовавшей собственный этнографический материал, собранный на Кубе в 1987 г. Автора интересует прежде всего традиционная одежда кубинского крестьянства, а также одежда городского населения, «так как в силу исторических особенностей развития Кубы и сельский костюм, и само местное крестьянство “рождены в городах»» (с. 340). Дается перечень основных элементов костюма кубинцев. Весьма интересны сведения о технике изготовления и функции костюма. Автор рассматривает кубинский костюм в трех аспектах: этническом, социально-экономическом и экологическом. В этническом аспекте этноразличительная функция одежды на Кубе проявилась, по мнению автора, дважды: в XVI в. (столкновение испанцев с местным населением) и в начале XX в. (в период гаитянской иммиграции) (с. 349). Автор дает характеристики “индейского” и испанского компонентов, афро-кубинского компонента. Любопытны данные о современных тенденциях в костюме. Анализируется роль одежды в жизненном цикле, ритуальный костюм, экологический аспект кубинского костюма. Автор полагает, что в горных районах старинный костюм

сохранялся дольше, а в равнинно-прибрежной зоне, особенно на побережье, в меньшей степени придерживались традиции. Для дальнейшего исследования, по мнению автора, наиболее интересны ценностные ориентации в области одежды, однако «многие представления, связанные с этой сферой, разрознены и обычно основательно завуалированы; чаще всего они находятся за пределами официального фольклора (сфера “неприличного”» (с. 367).

Э.Г. Александренковым написано “Заключение: Динамика культуры в свете кубинских материалов”. Вопрос о направленности трансформации культуры пронизывает всю книгу, и, как справедливо отмечается, на примере земледельческих орудий, жилищ, пищи, средств транспорта можно убедиться в значительной динамике элементов и комплексов сельской кубинской культуры в прошлом и настоящем. На эту динамику влияют также кризисные ситуации. Поставлен и другой важный вопрос – о традиционности культуры, ведь «в кубинских материалах не всегда можно обнаружить “этническую нагрузку” того или иного слоя культуры» (с. 378). По мнению Э.Г. Александренкова, “изучение этнической истории Кубы говорит о том, что те элементы и, тем более, комплексы культуры, которые в момент исследования этнографу представляются давними (традиционными) и даже сменяемыми новыми, на самом деле не были таковыми всегда и, более того, могли появиться сравнительно недавно. То есть, сама традиционная культура как некий набор кажущихся стабильными элементов культуры постоянно подвержена разнонаправленным изменениям” (с. 379).

Подведем итог. Безусловно, хотелось бы видеть больше иллюстраций и большую связь текста с рисунками, которые все же удалось поместить в книгу. Остается сожалеть о не включенном в монографию материале, освещающем способы рыбной ловли. Нет глоссария, который, вероятно, устранил бы некоторую несогласованность в использовании определенных терминов, однако, с другой стороны, его отсутствие придало разделам самостоятельность, что можно рассматривать и как достоинство. Вместе с тем, в книге есть раздел, где отсутствуют необходимые комментарии к терминам, понятным далеко не всем, например, “номенклатур” (с. 58), “реаленговая земля” (с. 93).

В заключение хочу поздравить всех авторов монографии с несомненной творческой удачей. Ценность книги для этнографической науки, безусловно, будет подтверждаться неоднократно.

Примечания

¹ Любопытно, что у баскских углежогов горы Алоньи на юге Гипускоа еще в 1916 г. можно было наблюдать хижину “*etxola*”, или “*txabola*”, Т-образную в плане: «Передняя секция служит местом отдыха; во второй секции один конец отведен под кухню, а другой под спальню. Крыша опирается на жерди и рогатки и кроется дерном или дерниной (“*zotalak*”), причем над очагом оставляют свободное пространство» (*Caro Baroja J. Los Vascos. Madrid, 1971. P. 171*).

² Отметим, что на юге Галисии была распространена “*rastra*” или “*zoga*” – V-образная деревянная волокуша с соединяющими стороны поперечинами. Этот же тип волокуши встречается в испанских Пиренеях (“*arba*”, “*rastra*”, “*estirás*” и др.), в Андорре такая волокуша имела два бортика-доски. См.: *de Aranzadi T. Aperos de labranza y sus aledanos textiles y pastoriles // Folklore y costumbres de España. T. 1. Barcelona, 1943. P. 317–318; Violant i Simorra R. El Pirineo español. Madrid, 1949. P. 446–447*.

³ Представляет интерес замечание Х. Каро Барохи о баскской лайе (всегда двузубой): «В техническом смысле работе с лайями отдавалось предпочтение перед старым плугом во многих поселениях, где в XIX веке практически полностью отказались от его использования. Объяснение такому предпочтению кроется исключительно в мелкой собственности и интенсивном земледелии края и не имеет ничего общего с так называемой культурной “отсталостью”. Отсталостью скорее было бы использовать “современное” орудие труда без всякой практической надобности, только потому, что оно является таковым» (*Caro Baroja J. Los Vascos. P. 144*).

Литература

Caro Baroja J. Los Vascos. Madrid, 1971. P. 171.

de Aranzadi T. Aperos de labranza y sus aledanos textiles y pastoriles // Folklore y costumbres de España. T. 1. Barcelona, 1943. P. 317–318.

Violant i Simorra R. El Pirineo español. Madrid, 1949. P. 446–447.